

Страна Мегиония

Быстро стареют карты. Всякие – административные, экономические. Что такое Тюмень? Что-то стародавнее. Вообще-то за названием каждого города стоит нечто большее – его история, его богатства, наконец, каждый город – это своя ассоциация. Баку, вот тот всегда означал нефть. Тула – это Левша, ружья, самовары; Урал – самоцветы, всесоюзная кузня; Ташкент – хлопок, а еще «город хлебный»; Колыма – золото и прочее. А с чем ассоциировалась год-два назад Тюмень? Ей-богу, не припомнить. Что-то связанное с Ермаком...

Знакомьтесь: Тюмень, столица сибирской нефти! И столица леса, конечно, а теперь еще и газа. Но главное – нефти.

Для геологов важно не только найти месторождение полезных ископаемых, но и дать оценку перспектив исследованных площадей. Так вот, в Тюмени перспективы очень богатые, это не Баку и даже не второе Баку, не третье, а Тюмень. Глядишь, и помолодеет старый сибирский город, бюджетно окрепнет, строиться начнет, а там и догонит нынешний век, давно шагнувший к Дубне, и Братску, и Байконуру!...

Шаим, Сургут, Мегион, Усть-Балык... Это месторождения в Приобье. Это то, что уже нашли, откуда идет уже нефть. Область даст в нынешнем году более миллиона тонн, а может быть, и миллион двести тысяч тонн первой нефти. Это много и немного. Уже в 1968 году планируется вывезти до трех миллионов тонн, а там она пойдет, тюменская нефть, ведь запасы ее исчисляются миллиардами тонн, и то предварительно, без похвалы.

Юрий Георгиевич Эрвье, бог тюменской нефти, лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда, начальник Тюменского геологического управления, благословляет нас в дальнюю дорогу коротко:

– Давайте в Мегион. Там как раз сегодня открыли новое месторождение. Пятое за три года, – с явным удовольствием уточняет Юрий Георгиевич, – Там экспедиция Абазарова.

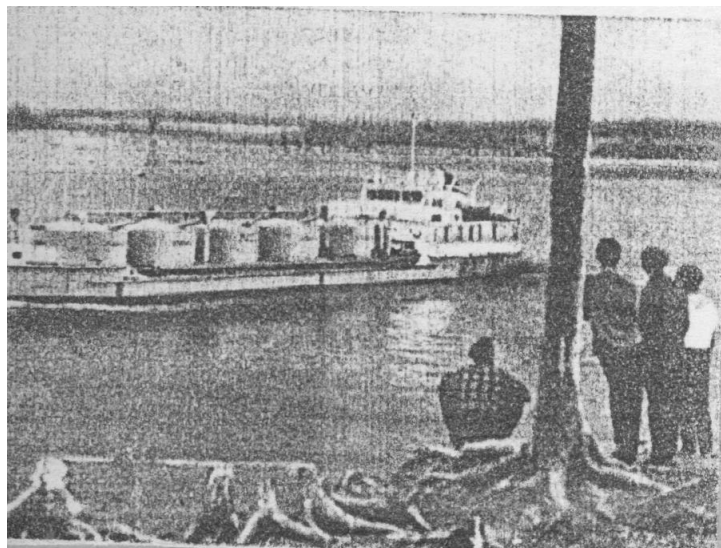
На несгораемом шкафу у Эрвье бутылка из-под коньяка. С нефтью. Взбалтываем, смотрим, будто что-то понимаем, на свет. Говорят, эта нефть – самая дешевая в стране. И легкая. Наверное, это так. Таинственная жидкость.

Интересно, почему нефть в такой бутылке?

МЕГИОНИЯ. Не слышали? Есть такая страна. Раскинулась она по берегам Меги. Таежная, озорная, заболоченная. Тысяч двадцать квадратных километров. Живут в Мегионии мегионцы, нефтеразведчики и нефтедобытчики. Вокруг них теперь селятся строители.

Мы полетим в Мегионию. А пока сидим в Сургуте. Сургут, еще недавно мало кому известный, поселок на Оби, сейчас превратился в столицу суверенного месторождения и в мощный перевалочный пункт. Речной порт. И воздушный – на песчаной, с редкой травой площадке садится даже «АН-24». Мы с ним и долетели. Теперь в Мегион. Но туда нет рейсовых самолетов. По Оби? Говорят, ходит «ракета». Но это двести километров с гаком. «Ракета» идет вечером», но о ней не хотелось думать. Психологический барьер – какая может быть «Ракета» в такой глуши?... Если добираться, – только вертолетом! Вертолету напрямую нужен час с небольшим. Ищем какого-то Семенова, экспедитора. Приметы: берет и белые брюки. Как в Рио-де-Жанейро... Но Семенов только развел руками: «В Мегион? Ничего на сегодня нет».

И все же мир не без добрых людей. Познакомились в толчее с человеком из Нижневартовска. Марк Соломонович Заликман. Из мегионской конторы разведочного бурения. Везет домой великолепную вывеску. По черному стеклу скромная надпись: «Трест буровых и

разведочных работ «Тюменьнефтегазразведка». За доской должен прилететь вертолет. Марк обнадеежил сразу:

– Если будет место, захвачу. Но почему в Мегион? Опять к разведчикам? Пора к нам, в Нижневартовск, там такие дела развернули буровики! И промысел там, и налив барж, и строительство! А в Мегионе одно название. Экспедиция и домики... А у нас райцентр, там весь коллектив наш! Что разведка? Нашел нефть и передал. Кому? Нам, конторе бурения. Мы – промысловикам. А что геологи? Конечно, спасибо за открытие, но писать надо о нефтяниках, о коллективах из Татарии, из Башкирии. Да вы знаете...

Примерно в этом ключе разговор шел сутки. Сутки, потому-то в Сургуте пришлось ночевать.

– Тайгу видели? Бурая, залитая водой, дорог никаких. Но завезли всего – и много и хорошо. Как удалось? По зимнику. Сунулись, правда, рано, не знали местных условий, ну и не прошли. Топи. Чуть погода пробились по морозу, по снегам. Восемь сотен отмахали. Шли две колонны. По полсотни машин в каждой. Гнали весь так называемый фонарь – вышку, по-нашему, турбобуры, электростанции, станки. По зимнику. А вы к разведчикам!... Да вы знаете!...

Прокричал Марк что-то вертолетчикам, и мы пошли на снижение. Замшелый лес. Мрачно внизу, первобытно. На опушке нечто серое, квадратное, вроде плота. Плот лежит на болоте, вокруг рифы многолетних корней. Вертолет опустился на квадрат из бревен. Бревна мягко просели.

Сразу тихо-тихо. Идем к поселку.

Почему-то нет, не стихов, ни песен о вертолетчиках. Конечно, люди и на собачьих упряжках пробирались к полюсам. Конечно, и сейчас люди ездят на оленях. Конечно, есть и вездеходы и амфибии. Но чтобы делали люди без вертолетов? Пятую часть стоимости скважины пожирает авиация и все же она выгодна, потому что, если на то же расстояние гнать трактора, они, говорят, через два рейса запросятся в капиталку.

«Ми-4» то и дело садятся в Сургутском аэропорту. За сутки мы там видели, встретили и проводили десятки машин. Говорили нам, что летом бывает и так: вертолет зависает – негде сесть, все площадки заняты. Вертолетами пользуются буквально все организации, причастные к нефтяной целине. Вертолеты возят все, начиная с болта.

И все-таки вертолетов мало. Надо бы прибавить. Разве это не выгодно? Заказчиков много, а машин мало. С геологами есть круглосуточный договор, а вот промысловики и прочие прихватывают машины, чуть ли не в воздухе. Даже в Москве заказывают!

Но без вертолетов нельзя.

Широко разлилась Мега. Крут правый берег. Мегион, столица Мегионии, на правом, на крутом. Когда прорывается солнце, поселок пахнет лесом. Смола светится, янтарной каплей проступает на стенах недавно рубленых домов, на досках солнечных тротуаров. Вдоль них – вереницы новых, остро пахнущих сырым лесом полениц. Городок будто забаррикадировался. Баррикады против жесткой зимы.

Было воскресенье. В коридорах, на лестнице конторы спали собаки. Только попискивало в комнате радистов да кто-то выводил на баяне незнакомую песню, кажется, в техническом отделе. Отыскали дом главного инженера Мегионской экспедиции. Дверь открыл заспанный богатырь времен походов семена Дежнева – Викентий Константинович Кордиалик. Фамилия у Викентия с каким-то греческим оттенком, но сам он потомственный сибиряк.

У главного инженера, еще совсем молодого человека, уже четверо ребятишек. Лия Павловна, жена, рассказала, как выглядит семейная жизнь нефтеразведчика без прикрас.

Викентий Константинович вкусно рассказал о Сибири. А разговорить его стоило немалого труда. Он вообще-то, угадывалось, склонен больше действовать, чем говорить.

– Косачи здесь серьезные. На снегу они сизые, хвост распустят. Брови буграми, кровавые. Первый раз таких видел. На тридцать метров машину подпускают, мотора не боятся. Куропаток кучи зимой. Утки не пуганы... Рыба здесь серьезная... Грибов навалом. Шишек кедровых по мешку на день. Да вы клюкву, однако, кушайте...

Геология здесь благоприятная. За счет бурения и нефть дешевле. Скважина вчетверо дешевле, чем где-нибудь на Кубани, на Волге, Легкая нефть, фракции легкие. Да тяжело достается. Вышки, однако, ушли от рек. От воды ушли в дебри, тяжело...

Как взять эту ушедшую от рек, от естественных путей вывоза нефть? Проблема. Сейчас пока ее возят с прибрежных промыслов баржами, возят в Омск, а это более двух с половиной тысяч километров медленного пути. Нефтедобытчики думают о нефтепроводе или о трубе, как тут говорят. Нынче, кажется, уже будет готова труба Ишим – Тюмень. Но считать и считать надо, выгодно ли? Места непроходимые... В Усть-Балыке, говорят, подсчитали: нефти столько, что и нефтепровод – дело рентабельное. А в Мегионе пока нет таких подсчетов, хотя здесь открыты весьма многообещающие месторождения. И они почти недоступны – среди топей, среди воды. Так или иначе, баржи по тайге не пойдут, значит, о трубе надо думать уже сейчас (раз уже не подумали раньше). Иначе каждый раз с концом навигации придется закрывать и промыслы. Самое время решить, какой трубой следует обеспечить Мегионию, куда эту трубу вести – то ли в Новосибирск, то ли куда. А может, выгоднее перерабатывать нефть в Тюмени? И вывозить нефтепродукты? А дороги когда? И какие? А где-то и железобетонные эстакады? Эти очевидные и самые интересные вопросы освоения богатств тюменского Приобья требуют уже сейчас ясных ответов.

Владимир Алексеевич Абазаров встретил нас утром улыбкой, как старых знакомых: «А у нас новый горизонт! И нефть такая зеленая, красивая...» На столе две бутылки, конечно с нефтью. Он смотрит на них и рассказывает:

– Когда высадился наш десант на Меге, то была одна у нас электростанция, всего на пятьдесят киловатт, и вместе с ней, под тем же самым навесом, один бурильный станок. А холода уже на носу. Вели разведку и строились. Теперь планы другие. За пять месяцев года прошли около двадцати одной тысячи метров. Знамя вчера вручили нам. На большой земле даже крупная экспедиция имеет годовой план двадцать пять тысяч. Так что масштаб у нас сибирский.

Владимир Алексеевич скупко представлял нам героиню – тюменскую нефть:

– Скважины, как правило, фонтанируют. Затрат на добычу почти никаких, надо только взять пластовое давление. А в Баку, на Кубани – там спад, там качалка на качалке сидит, а это все затраты, надо глубинный насос, штангу, электромонтеры да еще и обслуживание этой техники. Башкирия сейчас дает много больше Баку, а придет время – никто с Приобьем не сравнится... Уже сейчас мегионские скважины могут давать три тысячи тонн в сутки Проблема – сбор и вывоз нефти. Емкостей мало, на Багресе строительство затягивается, о трубе одни разговоры. Без дорог тоже не обойтись. Вертолеты? Им погода нужна. А ночью? Конечно, запоздали со всем этим...

Я думал: почему запоздали? Наверное, не все и не везде верили в тюменскую нефть. Тюменцы защитили запасы свои только в 1963 году, и лишь тогда стал вопрос о нефтедобыче, о нефтепроводах, о дорогах, о строительстве жилья. Но пока еще решают. Кому строить, где брать стройматериалы... Третий год.

– У нас во всем экономия, выгода, продолжал Абазаров. – Нефть без парафина, а он для нефтяников зло. И механических примесей никаких. Нефть на залив идет без отстойки. Характерен и малый диаметр инструмента – и долота, и бура, и трубы. Раньше бурили двадцатым номером, а теперь на ходу восьмой. Стоимость скважины стала дешевле. Номер инструмента и себестоимость – какая, казалось бы связь? Прямая. Меньше диаметр, значит, меньше вес инструмента, например, вес осадочных труб. Экономия металла у нас до пятисот тонн в год!

Абазаров собран, серьезен, хотя глаза его часто теплеют, смеются. И, казалось бы, не располагающий к доверию, на самом деле он прям и откровенен. И у людей вызывает взаимную откровенность. А ведь люди в Мегионе самые разные. Начальник экспедиции – ответчик и за хлеб, и за сахар, и за жилье, и за ясли, и за школу. И все-таки есть пять месторождений за три года!...

Снова вертолет (машина и экипаж из Улан-Удэ). Снова на экране иллюминатора проплывает равнина Западной Сибирской низменности. На сотни километров непроходимые топи. Чудовищная ржавчина паршой затянула каждый клочок земли, не занятый тайгой. Блестят

мертво озерки и озера. Серпы и ятаганы бесчисленных излучин. Вода, вода. Нерестилища рыбы, убежища ондатры, рассадники комаров и прочего гнуса. Разлив такой, что места живого, то бишь зеленого, не видать. Леса по колено в воде, черные, понурые.

Наконец засеребрилось гигантское (дело происходит в Сибири!) озеро. Самотлор! Зеркальце в полсотни квадратных километров. Вертолет валится набок, зависает над соседним озером поменьше, потом его относит к белой горсточке дочатых вагончиков – они на грубых полозьях, а называют их здесь балки! Шарахаемся от одного иллюминатора к другому. Вот она, вышка самотлорская! Мягкая посадка – и здесь на бревенчатый квадрат.

Без болотных сапог тут нельзя. Ступил на ржавый мох – и пошла нога в чавкающую трясины. Дернул ногу, вторая медленно пошла куда-то вниз. Неприятное ощущение. Как муха на липучке. А навстречу люди. Это вахта испытателей бурового мастера Безродного. Пожилой мужчина, проходя мимо заметил:

– А говорят, сапог болотных нет на складе. Вот же, нашли для людей... Когда еще заявку подавал. Нет и нет, и весь сказ...

Потом, когда улетел вертолет, познакомились с пожилым. Это и был мастер Петр Германович Безродный. Подошли еще ребята:

– Продукты привезли? Опять один хлеб...

Стали расходиться.

Уже вечером, наслаждаясь чудесной ухой по-сибирски, мудруя над щучьими головами крокодильских размеров, узнали, что есть на Самотлоре и картошка, и ящик макарон, и еще кое-что, а вот хочется пшена и компота, да не каких-нибудь сухофруктов, они тоже есть, а компота в банках, слив там или персиков каких. А рыбы Володя Коробейников столько ловит, что всем она стоит поперек горла. Каши хочется. А мы навалились на рыбу во всех видах.

Но главное – фонтан. Нефть, пока испытывают скважину, зажгли. Мастер пояснил:

– Так ее не пустишь. Тайга в двух шагах, может все пожаром пойти. А в озеро пустить, против природы преступление.

Вот и рвется из красной, скрюченной от жары трубы укрощенное пламя. Дым особый, нефтяной – жирный, клубится крупно.

Мы сидели в балке возле самого факела. Дежурный по факелу – мало ли что ночью – Борис Денисов. Он брился. Петр Германович рассказывал, как все было. Фонтан ударил на рассвете, часов в пять, а было это утро 29 мая.

– Никто ее не видел, я первый, – волнуется еще и сейчас мастер. – Налил две банки, прибежал в балок, а ребята измученные, как черти, им вроде и радость не в радость... Вот она, хлопцы! Ну, заулыбались, конечно. Только мы устали тогда. Как на пожаре... Двинулись мы на Самотлор 25 мая. Сначала мелочевку отправили, это, по-нашему, ключи там, патрубки, с мелочевкой один Володя Коробейников улетел. Потом ветер поднялся, мы и остались. А все нас торопили чегой-то. Уже на следующий день, как перебрались сюда, приказывает мне по рации главный геолог: «Надо двадцать восьмого дать нефть». Чтобы фонтан был, и точка. Я думаю: как же это так, на скорую руку? А мне по рации; «чего молчишь? Самотлор! Я база! Прием! Прием!...» Что я скажу? Будет фонтан...

И дали. Через шестьдесят часов. Дух вон. Двойное напряжение получилось, тут уж, извиняюсь, и матерок был... Управились. Понаехало начальство, сразу собрание вроде митинга, поздравляют: «Можно, значит, дать нефть? То-то!...» Можно, кто не против. Только так я и не

понял, чего торопили... Она сначала потихонечку, а потом рванула! Взнуздали. Сейчас идет с двух тысяч метров. Еще будем испытывать несколько горизонтов. Доберемся до самого верхнего, а там и откроется пласт в сорок шесть метров! Это невиданное дело, поймите только!

Гудит факел. Борис рассказывает:

– Я тоже с детства на промысле. У нас в Грозном лучшие скважины по триста тонн в сутки дают!

– Ты не свисти, Борис. Любитель ты приврать, – незло говорит мастер.

– Не-е, правда! Там же давление. Конечно, Кавказ, пласты изломаны. Зато до двадцати горизонтов с нефтью!

– Опять свистишь...

– Не-е. правда! У нас там культура, асфальт на промысле, газоны. Только когда идешь, земля за полкилометра ходуном ходит!

– Борис!..Ох, и свистун...

– Не-е, честно, Петр Германович. И здесь асфальт будет!

– Да я и сам верю, а то зачем бы я поехал на старости лет...

Ночь считай что прошла. Вроде и не темнело вовсе. Заря только сползла чуток вправо.

Катер Абазарова «Мегион» шел голубым курсом Мега-Мулка-Обь. От вышки к вышке с заходом на Баграс, где бурилась самая первая в Мегионии скважина. Сейчас здесь наливаются баржи.

После разведчиков все эти площади разбуривают буровики, те, к которым так заманивал энтузиаст Марк Заликман. Контора бурения готовит промысел для нефтепромыслового управления (НПУ). Они собирают и отгружают нефть. Так что со временем в третьи руки передадут всю Мегионию. Третьи руки, все правильно и неизбежно. А все-таки чего-то жаль разведчикам. Еще и Викентий Кордиалик, главный инженер, говорил: «Нам-то кажется, что не так, как надо, берутся за дело буровики. Понакопали траншей для труб, а труб нет. Потом привезли трубы, уложили и угодили под самый разлив. Начался героизм. – Это слово Кордиалик произнес как-то вдруг неуважительно, с едва сдерживаемым рыком. – В ледяной воде, однако, люди работали...»

Тут, пожалуй, не только ревность первопроходца. Просто разведочная экспедиция – коллектив более или менее организованный, осмотрительный, расчетливый. Разведка! Там, кто идет по ее следу, стоит многому поучиться. Владимир Алексеевич Абазаров вспомнил случай на Баграсе. Пришел срок дать первую промысловую нефть Мегионии. Ждут мегионцы, ждет и начальство в Нижневартовске, в Тюмени. Первая промысловая скважина! Немедленно стрелять и подключить к отгрузке! Ждут все, а нефти нет. Уже и митинг подготовили и емкость для залива. Приехали на точку Абазаров и еще кто-то, узнать, в чем дело. Буровики сидят. Что такое? Четыре дня не работают. Оказывается, у них нет... задвижки. Нужна такая вещь. Прежде чем стреляют горизонт, ставят перфораторную задвижку, чтобы избежать выброса фонтана. Скважину пускают вместе и буровики и геофизики. А это люди разные, они представляют две конторы двух трестов. Буровики из конторы бурения, она в Нижневартовске, а геофизики из геофизической конторы, она в Усть-Балыке – за 250 километров! Стреляют одни, а задвижку ставят другие. Под рукой ее, проклятой, не оказалось. Вот и сидели. Мегион, Нижневартовск и Тюмень ждали нефть. И рапорт был приготовлен... Абазаров тогда выручил, послал своего человека в экспедицию за задвижкой. И был праздник, пошла нефть. И был митинг, красные стяги на зазеленевших березках. Усталые люди побрились, улыбались.

Экспедиция разведчиков сама бурит скважины, сама монтирует вышки, сама и стреляет. В экспедиции свои геологи, топографы, вышкомонтажники, буровики, испытатели, геофизики. Комплект. А вот доходит дело до того, чтобы взять найденное богатство, – тут удар не кулаком, а растопылкой, все пальцы врозь. Почему? Где-то кто-то понимает, что если разведка не будет комплексной, то нефть проищут лет десять, а то все двадцать. Такого не бывает. Но где-то кто-то не понял до сих пор, что брать нефть тоже надо комплексно, одной рукой. Да, создано в пожарном порядке объединение «Тюменьнефтегаз», но это вывеска над вывесками. Как она объединяет вывески конторские, задвижка в Баграсе показала.

А ведь еще Нефтьсбыт, а еще строителей веселая семейка. Есть гензаказчик и есть генподрядчик. У генподрядчика дюжина субподрядчиков, хозяева которых весьма далеки от нефти – и географически и по деловым интересам: сантехмонтажники, электромонтажники, землеройщики. Особняком речники. И каждому отведи землю, каждому пирс на берегу, каждому базу и ГСМ (склад горючесмазочных материалов), каждому жилью... Неправдоподобной показалась бы запись совещания представителей всех этих контор, если бы дать его стенограмму. Человек двадцать, ошестившись друг против друга, судились, рядились, долгие и тяжкие часы – сам тому свидетель. У одного нет пирса, у другого негде развернуть базу, склады, мастерские, у третьего кадры сманивает первый, у четвертого ни средств, ни лимитов на солярку. Кстати, за соляркой день и ночь идут к тому же Абазарову. Даже совещания-бои в его кабинете. И понятно, разведчикам все дано, как и положено. Даже брус берут у них для строительства... строители. Толпятся по берегам Меги, Верхней Конды и Оби осваиватели нефтяной целины, несть им числа. Тут есть над чем подумать. Владимир Алексеевич Абазаров уверен, что приобскую нефть надо осваивать централизованно и комплексно. Что организационно гоже на большой земле, то в условиях тюменской тайги – вчерашний день. А пока строит «Газпром», жить нефтяникам будет несладко. Потребуется опять героизм...

Амфибия сползла с берега в Мегу, водитель переключился с гусеничного хода на винты. И поплыли мы вверх, на Мыхпай, навстречу новой площади. Мы едем отбивать новую точку – выбирать место для первой буровой на Мыхпае. В амфибии главные специалисты.

Мыхпай – озеро. Вокруг тайга – таежина. У берега она еще светлая, березок много. Дальше – топь, лесовал. И клюква, аж следы краснеют. Вода между кочек. Под ногами как-то неверно, зыбко. И страшно отстать, остаться одному.

Нужное место нашли довольно быстро. Геолог выбор одобрил. И зарубили. Затесали топорами кедр, которому все равно не жить, потом зачинили топором же карандаш и написали на обнаженном светлом боку ствола: «Р-1 Мыхпай».

Амфибия уютит чащу, пробивается старым следом к Меге, сползает с крутояра к воде, и бросается широкой защитного цвета грудью в расхлывшиеся волны. Водитель переключается на винты, идем вниз, в Мегион, деревянную столицу Мегионии.

А утром снова вертолет! До свидания, страна Мегиония! Есть такая. Не слышали? Стареют карты...

Быков Н.